

Yohanan Petrovsky-Shtern. Lenin's Jewish Question. New Haven–London: Yale University Press, 2010. 198 pp.

Среди бесспорных и немаловажных достоинств книги бывшего киевлянина, а в настоящее время профессора еврейской истории Северо-Западного университета (Иллинойс, США) Йоханана Петровского-Штерна – ее язык. Повествование, насыщенное литературными аллюзиями и игрой слов, ведется столь изящно и читается столь легко, что и рецензию хотелось бы писать скорее в жанре беллетризованного эссе, нежели сухого наукообразного обзора. Конечно, я не обладаю литературным даром в такой степени, в какой им обладает автор книги; попытка подражания с моей стороны выглядела бы скорее нелепой пародией, нежели изящным литературным диалогом с автором. Однако начать рецензию все же позволю себе с личного лирического отступления.

Для каждого советского человека Ленин был практически родным и близким, его почти живое присутствие ощущалось всегда и везде. Пусть и не в виде канонического портрета в “красном углу”, но на пионерском значке на школьной форме он неизбежно присутствовал в интимном пространстве. Будучи октябреньком, я с удовлетворением отмечал некоторое сходство изображения маленького Володи Ульянова на моем значке с моим отражением в зеркале – я тоже обладал, к неудовлетворению учителей, видевших в этом некое нарушение порядка, “непокорными кудрями. Разумеется, крамольная мысль о том, что мальчик на моем значке – еврей (такой маленький, а уже!) просто не могла прийти мне в голову – впрочем, тогда я вряд ли понимал, кто такие “еврси” и чем они отличаются от нормальных людей.

Я точно помню, как узнал секрет Полишинеля, тщательно оберегаемый всеми идеологами и пропагандистами моей советской родины. За два года до того, как эта страна исчезла с политической карты мира, мне в руки попался первый выпуск газеты “Память” – печатного органа одноименного “национал-патриотического фронта”. На карикатуре в этой газете был изображен забавный человечек, обладавший безошибочно узнаваемым профилем и т. н. “прищуром”, при этом подписан неизвестным автором рисунка он был как “Бланк”. Станным, помимо этой непонятной подписи, на рисунке было то, что прямая речь человечка изобиловала преувеличенными элементами грассирования: так, буква “р” в его устах превращалась в “г”.

Много лет спустя, при профессиональном политологическом анализе идеологии и пропаганды русского праворадикального антисемитизма в контексте позднестроительной публичной полемики, я в полной мере осознал важность, которую имел для националистов “факт” еврейского происхождения вождя мирового пролетариата.

Несмотря на внешнюю интернационалистическую риторику, на самом деле в рамках советского дискурса этническому происхождению придавалось огромное значение. В массовом сознании населения СССР была широко распространена непоколебимая уверенность в обусловленности интеллектуальных способностей или морально-нравственных характеристик конкретного индивидуума его этническим происхождением. “Национальность”, зафиксированная в документах, влияла не только на карьерный рост, но и на отношение окружающих. Представители “стигматизированных” этносов сталкивались с проблемами не только в отделах кадров, но и в повседневной жизни, особенно в коллективах, сформированных принудительным образом, вроде школьного класса, отряда в пионерском лагере или взвода в советской армии. Этничность занимала огромное место в сознании советского человека, способствуя порой формированию глобальных объяснительных схем, что, в частности, можно объяснить склонностью массового сознания к мифологическим моделям осмысления окружающей действительности в условиях тотального ограничения доступа к информации.

Как убедительно показали современные исследования¹, для разношерстного неформального движения русских националистов последних десятилетий советской эпохи – как для диссидентов, находящихся в радикальной оппозиции к правящему режиму, так и для функционеров самого режима, сформировавших к 1970-м гг. довольно влиятельное националистическое крыло в коммунистической партии, – антисемитизм был крайне важен. Политические заключенные и бюрократы-номенклатурщики высокого ранга, православные неофиты и фантазеры-неоязычники, сторонники самодержавной России, которую они потеряли, никогда не имев, и сталинисты национал-большевистского толка, писатели-“деревенщики” и комсомольцы эпохи покорения космоса сходились только в одном вопросе: во всех бедах виноваты евреи. Роль юдофобии как консолидирующего фактора для русско-советских националистов была чрезвычайно велика. Антисемитизм являлся

зоной, где смыкались взгляды официальных кругов и фрондирующих диссидентов-“почвенников”, а официальный “антисионизм” — полем дозволенной чуть ли не нацистской пропаганды. 20–30 лет назад в русско-советском националистическом движении широко бытовала формулировка “основной вопрос”, единомыслие в котором было важнее, чем разногласия по всем остальным проблемам. По отношению к “основному вопросу” люди этого круга оценивали новых знакомых, определяли возможность сотрудничества, протезировали молодежь. Это словосочетание, игриво обыгрывавшее навязший тогда у всех в зубах “основной вопрос философии”, означало, естественно, позицию по еврейскому вопросу.

На самом деле мнимое, как мы понимаем, несмотря на реальность прадедушки Мошко Бланка из Старокопани, “еврейство” Ленина как по волшебству объясняло многое для русских националистов, идеально вписываясь в конспирологическую картину мира, где основной движущей силой истории являлся глобальный и безжалостный еврейский заговор². Основанная на “Протоколах сионских мудрецов” идея “жидобольшевистской революции”, произведенной всемогущей “мировой закулисой” на основе идеологии “еврея” Карла Маркса с целью разрушения Великой России, подчинения ее населения и геноцида русского народа, находила, с точки зрения антисемитов, неопровержимое доказательство в виде еврейского происхождения вождя мирового пролетариата. Все ужасы советского тоталитарного режима объяснялись в рамках этой схемы предельно просто — тем, что Ленин “на самом деле” вовсе не Ульянов, а наоборот — Бланк³.

Хотя, по свидетельству коллег⁴, Петровский-Штерн писал прежде всего “книгу о ксенофобии”, в действительности его исследование затрагивает довольно широкую проблематику. Только одна из пяти (последняя по порядку и, пожалуй, не самая яркая) ее часть касается обсуждавшихся выше и близких автору рецензии в силу его специализации проблем рецепции информации о еврейских корнях Владимира Ульянова в идеологии русского национализма в XX в. Большая часть исследования И. Петровского-Штерна посвящена попытке ответить на вопрос: было ли хоть что-нибудь не в мифологической, а в исторической реальности еврейских корней Владимира Ильича, что бы хоть в какой-то степени влияло на его мировоззрение, идеологию, психоло-

гию и поведение? Для того чтобы ответить на этот вопрос, автор под лупой рассматривает эволюцию предков Ленина по “еврейской линии”.

Свое захватывающее исследование он начинает с описания быта еврейской общины Староконстантинова – то есть с того контекста небольшого местечка “черты оседлости”, вырваться из которого в “большой мир” (как ментально, так и буквально) пытался “тот самый” еврейский прадед Владимира Ильича Мошко Бланк. Описание жизни еврейской общины того времени необходимо автору скорее как фон для понимания внутренней идейной и отчасти духовной эволюции ассимилирующегося еврея, для раскрытия механизмов мотивации сознательного разрыва с собственным прошлым. Если в последней части исследования читатель знакомится с полностью оторванной от реальности мифологической действительностью, то в первых главах перед ним предстает совершенно реальный еврей, не удовлетворенный окружающей убогой действительностью и очарованный российской имперской эстетикой и широкими горизонтами, открывающимися после выхода из местечкового (в самом прямом смысле этого слова) контекста. Й. Петровский-Штерн в своих предыдущих монографиях также обращался к проблеме взаимоотношений евреев и Империи⁵. Великолепное знание исторического материала позволяет автору проследить эволюцию своего героя Мошко Бланка максимально достоверно. Отмечу, что широко распространенный в западной историографии и введенный, пожалуй, в рамках “истории ментальности” Школы анналов⁶ жанр “микроистории” (“биографии в историческом контексте”, или даже, вернее, раскрытие “духа эпохи” во всех ее бытовых мелочах через биографическое по форме описание) до сих пор мало представлен в отечественной исторической науке⁷. В этом смысле книга Петровского-Штерна представляет собой, среди прочего, важный методологический образец для отечественного читателя. “Микроистория” Мошко Бланка является великолепным срезом истории еврейской общины Российской империи XIX в. – осмелюсь предположить, одним из лучших в современной исторической литературе.

Выводы, к которым приходит автор в результате своего захватывающего исследования, не претендуют на переворот в понимании феномена Владимира Ленина. По мнению Петровского-Штерна, еврейское происхождение прадеда-выкреста не объясняет ровным счетом ничего ни в самом Ленине,

ни в русской революции. Ленин просто ничего не знал о еврействе своего прадеда, ставшего в крещении Дмитрием (“еврейство” Владимира Ильича было обнаружено уже после его смерти Анной Ульяновой, и партийное руководство наложило запрет на какое бы то ни было обнародование этой информации). После фундаментального исследования Петровского-Штерна интуитивно очевидный тезис “еврейство прадеда Ленина не объясняет ничего” можно считать окончательно доказанным.

В заключение остается только выразить сожаление, что великолепная книга Петровского-Штерна, как и вся англоязычная научная литература по иудаике, малоизвестна и труднодоступна для отечественного читателя. Нет никаких сомнений, что ее перевод на русский или украинский язык был бы крайне полезен отечественным исследователям и, при условии качественного исполнения, доставил бы читателю подлинное наслаждение.

Вячеслав Лихачев

¹ См., например, лучшее, на мой взгляд, исследование русского национализма в последние десятилетия советской власти: Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы. Москва, 2003. 618 с.

² О конспирологическом антисемитизме в позднесоветском и постсоветском дискурсе см., например: Лихачев В. Политический антисемитизм в современной России. Москва, 2003. С. 116–117, 124–127.

³ Как мне кажется, вопиющая абсурдность именно этой концепции, в частности, была высмеяна Сергеем Курехиным в нашумевшем сюжете “Ленин – гриб” передачи “Пятое колесо”, вышедшей в телевизионный эфир 17 мая 1991 г.

⁴ См. подписанную, по всей видимости, псевдонимом рецензию на книгу Петровского-Штерна, опубликованную в сетевом альманахе booknik.ru: Папирра Д. О. Люди как Лего. Режим доступа: <http://booknik.ru/reviews/non-fiction/lyudi-kak-lego>

⁵ Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. Москва, 2003. 560 с. (Petrovsky-Shtern Y. Jews in the Russian Army, 1827–1917: Drafted into Modernity. Cambridge–New York, 2008. 307 p.); Petrovsky-Shtern Y. The Anti-Imperial Choice: the Making of the Ukrainian Jew. New Haven, 2008. 384 p.

⁶ См.: История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. Москва, 1996.

⁷ Впрочем, в качестве великолепного исключения можно назвать известную монографию Ярослава Грицака: Грицак Я. Пророк у своїй вітчизні: Франко та його спільнота. Київ, 2006. 632 с.

